

Исариэль уже крепко спал.

Возможно, из-за влияния ускоренного течения времени, а может, просто из-за игры воображения, но Тан Цзинси казалось, что мальчик стал выглядеть еще моложе. Даже черты его лица заметно смягчились. Брови подростка были тревожно сведены к переносице, ресницы подрагивали, а тело, словно спасаясь от холода, сжалось в комок, излучая незащитность и полное отсутствие чувства безопасности.

Скорее всего, началась легкая лихорадка из-за воспаления раны — симптомы проявились раньше, чем обычно.

К сожалению, Доктора Тан нельзя было назвать человеком, склонным к излишнему состраданию. Пока он не отбросил все подозрения, его план сводился лишь к тому, чтобы спасти Исариэлю жизнь. Главное — чтобы тот оставался в живых, а остальное его не касалось.

Не обращая внимания на дрожащего от жара мальчишку, Тан Цзинси снова открыл телефон и оставил сообщение в чат-группе даркнета: «Могу ли я расценивать зеркальную комнату как Тайную комнату, а правила игры — как нечто похожее на квест по побегу из нее?»

Как только сообщение было отправлено, ENICA, до этого пребывавший в неактивном состоянии, мгновенно вышел на связь.

Он ответил: «Как только игра начинается, любые вопросы, отправленные в чат, расходуют подсказки. Дорогой, ты уверен, что хочешь продолжать спрашивать?»

Jesse: «Уверен».

ENICA: «Хорошо. Первая подсказка: зеркальная комната похожа на игру в Тайную комнату из вашего человеческого общества. Вы можете найти способ выбраться, если будете искать улики».

Тан Цзинси устался в экран, погружившись в раздумья. Почувствовав усталость, он потер виски большим пальцем, а затем напечатал: «Хорошо, теперь дай мне вторую подсказку».

ENICA: «Мне нравится, когда ты так серьезно размышляешь».

Jesse: «Спасибо за симпатию, так что насчет подсказки?»

ENICA: «Вторая подсказка: зеркальные близнецы, правда и ложь — противоположности, прошлое и будущее — противоположности, а ты и я — противоположности».

Прочитав сообщение, Тан Цзинси убрал телефон и взялся за пистолет, со щелчком дослав

патрон в патронник. Эта подсказка не содержала игры слов — она была предельно простой и прямой. Значит, согласно ей, ему нужно было заглянуть в соседнее помещение, которое он принял за зеркальное отражение.

Потревоженный шумом, Исариэль резко открыл глаза. Поняв намерения Тан Цзинси, он подсознательно схватил его за руку.

— Не ходи туда, — слабо произнес он. — Там небезопасно.

Температура его тела была очень высокой, ладони горели. Тан Цзинси молча взглянул на их сцепленные руки и, немного помедлив, все же натянул на мальчишку одеяло.

— Все в порядке. Зверь, который тебя ранил, появится снова не раньше, чем через два часа. Мы не можем вечно оставаться здесь, особенно ты, — говоря это, он разжал пальцы Исариэля, спрятал его руки под одеяло и подоткнул края. Затем он указал на хаски, которая высунула язык: — Ее зовут Банни, она останется здесь и составит тебе компанию.

Исариэль, чье лицо наполовину утопало в одеяле, даже не взглянул на собаку. Он неотрывно смотрел на Тан Цзинси и в конце тихо спросил:

— А ты?

— Забыл представиться, — голос Тан Цзинси звучал отстраненно, но он все же протянул руку и погладил мальчишку по голове. — Меня зовут Тан Цзинси. Я выведу тебя отсюда.

Время было ограничено, ситуация оставалась неясной, поэтому он не стал медлить и сразу направился к выходу.

Время можно было назвать самым широким и в то же время самым жестоким условием этой игры. На первый взгляд ограничений нет, но сверхбыстрое обратное течение времени означало, что никто не может позволить себе задержку. В этой среде люди растут в обратном направлении: мыслительные способности деградируют, а физические данные постепенно снижаются вместе с возрастом. Даже если говорить о нем самом, у него в запасе оставалось не более пяти дней, что уж говорить об Исариэле, который уже откатился до десятилетнего возраста.

Открыв дверь, Тан Цзинси на ходу сорвал с вешалки галстук, накинул один его конец на дверную ручку, а другой привязал к комоду, чтобы дверь случайно не захлопнулась и не заперлась.

Затем он вошел в соседнюю квартиру.

В отличие от того раза, когда он уходил отсюда, запах крови исчез. Тан Цзинси первым делом

проверил ванную — там было чисто, никаких следов крови не осталось.

Похоже, это пространство действительно не было объективно существующим местом — оно менялось в любой момент.

Обе квартиры были зеркально симметричны, и Тан Цзинси прекрасно знал все детали планировки, понимая, где может быть спрятан какой-либо предмет. Он быстро просмотрел корешки всех книг на полках, убедившись, что все в порядке, а затем перевел взгляд на тумбу с компьютером.

Как и ожидалось, во втором ящике слева нашлось нечто странное.

У Доктора Тан была привычка не только делать записи и расчеты, но и вести дневник. В этом ящике обычно лежал его блокнот, но сейчас там лежал другой, такого же размера и толщины, вот только обложка была другой.

Тан Цзинси обычно пользовался блокнотами, выданными базой: простая черная пластиковая обложка, пружинный переплет, минималистичный дизайн. А этот блокнот был с детскими каракулями на обложке — примитивный стиль, грубые цветные пятна, явно принадлежал какому-то маленькому ребенку.

Тан Цзинси наклонился, достал блокнот и наугад пролистал его.

Дневник действительно принадлежал маленькому мальчику, тон повествования был крайне незрелым, словно автор только учился говорить. Однако почерк был удивительно аккуратным — совсем не похожим на детские каракули, буквы выглядели так, будто их напечатали на машинке.

Это выглядело жутко.

Тан Цзинси просмотрел несколько записей и обнаружил, что содержание в основном касалось повседневных дел, но в нем ни разу не упоминалась мама. Напротив, у мальчика, судя по всему, было два папы. Он записывал все до мельчайших подробностей: как папы учили его говорить, писать и узнавать предметы. Чем больше Тан Цзинси читал, тем сильнее крепло чувство, что здесь что-то не так: ребенок, который только учится базовым вещам, физически не мог вести дневник.

В этот момент он перестал листать — его внимание привлекла необычная запись.

Там было написано:

Я часто смотрю на ту стену и спрашиваю себя,

Почему мальчик напротив так сильно отличается от меня?

Я молил отца, держа его за руку,

Слезно просил подарить мне яркие глаза и мягкие руки.

Но, увы, в конце концов,

Он просто разобрал меня на части и спрятал в маленькую коробочку в огромной комнате.

Холодный пот пробежал по спине. Тан Цзинси больше минуты смотрел на эти строки, а затем перевернул страницу — дальше были лишь пустые листы.

Положив дневник на место, Тан Цзинси задумался. Его взгляд медленно скользнул по белой стене, разделяющей две комнаты. Поколебавшись, он направился в спальню.

В зеркальном пространстве сейчас было утро, и эта комната, выходящая на запад, была холодной и неудобной. Обстановка в спальне была еще проще, поэтому Тан Цзинси сразу заметил картонную коробку на кровати.

Он медленно подошел и приподнял крышку.

В тот же миг раздался странный смех — фальшивый, детский, эхом разлетающийся по комнате.

— Хи-хи-хи-хи... Хи-хи-хи-хи...

Тан Цзинси подавил желание броситься прочь, отложил крышку в сторону и достал из коробки голову механической куклы, поразительно похожей на маленького мальчика. Вдруг длинные накладные ресницы дрогнули, веки приподнялись, открыв яркие голубые глаза. Механический подбородок куклы задвигался, и она захихикала:

— Удивлен? Папочка, ты нашел меня, хи-хи-хи...

Несмотря на жуткий голос и пугающее содержание, Тан Цзинси был взрослым человеком и не собирался пугаться до смерти из-за механической игрушки. Он тут же перевернул смеющуюся голову, отодвинул накладные волосы на затылке и вытащил батарейки, бросив их на кровать.

Смех прекратился.

Тан Цзинси еще раз тщательно осмотрел коробку и наконец нашел на самом дне карточку. На ней тем же шрифтом, что и в дневнике, было написано: «Ты нашел игрушку ENICA».

Похоже, след оборвался.

Нелепо, что подмененный дневник привел лишь к жуткой голове куклы. Должно быть что-то, что он упустил.

В этот момент из гостиной послышался шум.

Тан Цзинси поспешно оставил вещи и вышел. Он увидел Исариэля: одной рукой тот прижимал живот, а другой опирался на комод, заглядывая в комнату бледным лицом. Банни, не лая и не проявляя беспокойства, послушно сидела рядом.

— Ты почему пришел? — Тан Цзинси подошел и поддержал его. — Лекарств в комнате мало, если не будешь отдыхать, рана не затянется быстро.

— Боль уже почти прошла, — ответил Исариэль. — Я услышал смех и решил проверить.

Тан Цзинси подозрительно приложил ладонь к бинтам и слегка надавил. Исариэль никак не отреагировал, лишь повторил:

— Правда, не болит.

«Восстанавливаешься ты довольно быстро», — подумал Тан Цзинси, вероятно, все дело в ускоренном времени.

— Что-нибудь нашел? — спросил Исариэль.

Тан Цзинси вернулся к тумбе, взял дневник и отдал его мальчику:

— Пока только это и сломанную куклу в спальне. Смех издавала она, я вытащил батарейки, больше она не засмеется.

Несмотря на то что рана больше не болела, Исариэль все еще был очень слаб. Он сильно пострадал от обратного течения времени: тело стало хрупким и худым, хотя рост оставался прежним — он был всего на десять сантиметров ниже Тан Цзинси. Разница в росте была заметна, как и разница в силах. Доктор Тан посмотрел на поникшего мальчишку: сострадания он не испытывал, но капля сочувствия все же шевельнулась.

— Возвращайся в постель, не ходи здесь, — сказал Тан Цзинси, включая телефон. До восьми часов оставалось меньше получаса. Если поторопиться, можно успеть обыскать еще один шкаф, возможно, там найдется новая улика...

Но не успел он додумать, как Исариэль внезапно прижался к нему. Тан Цзинси замер, ощущая, как холодные руки ребенка обхватили его за талию.

— Можешь отнести меня обратно? — голос Исариэля был тихим, полным невинной слабости. Он запрокинул голову, прижавшись щекой к лицу Тан Цзинси, положив подбородок ему на плечо. Его зрачки, до этого темные, слегка сузились, и в их глубине блеснул едва уловимый темно-красный отблеск.

Поверх плеча Тан Цзинси он посмотрел на голову куклы, оставленную на кровати. В тот же момент кукла, у которой уже были извлечены батарейки, медленно и дергано повернула голову, уставившись на него своими пластиковыми голубыми глазами.

— Можно? — Исариэль сохранял невозмутимое выражение лица, продолжая капризничать. — Я ведь волновался за тебя, поэтому и пришел, а теперь идти не могу.

Тан Цзинси: «...»

Доктор Тан не любил, когда на него давят морально, но, как ни странно, не отказал. Правда, просьбу мальчишки он выполнил лишь наполовину: подхватил его под пояс, закинул на плечо и без лишних слов направился к выходу. Исариэль, ударившись животом о плечо Тан Цзинси, болезненно дернулся — его едва не стошнило всей той водой, что он успел выпить.

Банни была в восторге, ее хвост ходил ходуном, и она радостно потрусила следом.

Когда собака вошла в комнату, Исариэль поднял глаза на галстук, привязанный к ручке двери. В следующую секунду узел сам собой развязался, галстук соскользнул, и дверь за их спинами бесшумно захлопнулась.

— Продолжение следует —

<http://bllate.org/book/20346/2033315>